

ГОСУДАРСТВО В РЕАЛИЯХ МЕЖДУНАРОДНО-УГОЛОВНЫХ ДЕЯНИЙ

АЛЕКСАНДР МАНАСЯН

Преамбула к теме. После внесения 1 октября 1946 года в Нюрнберге Международным военным трибуналом (далее МВТ или Трибунал) приговора в отношении руководящих лиц нацистской Германии и принятия в 1948 году¹ Конвенции ООН по предупреждению геноцида преступления против человечества не только не исключены из международной практики, но регулярным повторением становятся политической повседневностью. При этом субъекты подобных преступлений часто прикрываются пробелами международного права в том числе и по части института государства как возможного актора такого деяния. В теории вопрос упирается не только в пока неразрешенные вопросы международного права, но и политические мотивы, часто скрывааемые в документах между строк и дискурсов по теме. Продолжавшиеся десятилетиями обсуждения проблемы в рамках Комиссии международного права (КМП)² в 1996 году увенчались завершением составления документа под названием «Проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества» (док. ООН А/51/10)³. Но и он оставил открытым ключевой для международного правосудия вопрос об уголовной ответственности государств. Комиссия решила ограничиться рассмотрением вопросов индивидуальной ответственности за международно-преступные деяния. В 2001 году Комитет по правовым вопросам ООН (Шестой комитет), под эгидой которого работает КМП, Генеральной Ассамблеи ООН (далее - ГА ООН или ГА) представил по теме новый доклад (А/56/589 и Согг.1). На его основе ГА ООН приняла резолюцию 56/83⁴ «Ответственность государств за международно-противоправные деяния». Представленный КМП документ «Ответственность государств за международно-противоправные деяния», по которому была принята резолюция ГА ООН 56/83, существенно отличается от проекта Кодекса, в развитие которого он был выработан.

Мы поставили задачу проследить ход трансформации идеи о месте государства в реалиях международно-уголовных преступлений и выявить уязвимые стороны исследования темы в КМП. Статья нацелена на раскрытие пробелов международного права, служащих юридическим укрытием для совершающих тяжкие преступления против человечества государств. Таким способом действует Азербайджанская Республика (АР), которая осуществляет начатой турками и Азербайджанской Демократической Республикой (АДР), а затем продолженной Азербайджанской Советской Социалистической Республикой (АзССР) политику геноцида армянства Закавказья.

¹ https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml

² КМП ООН непосредственно подотчетна учрежденной 11 декабря 1946 года Юридическому комитету (известен так же как Шестой комитет) ГА. В нашем тексте для названия «Комиссии международного права» параллельно будут употреблены также формы «КМП» и «Комиссия».

³ Если это будет не ушербно для текста, название документа будет использован коротко: Кодекс.

⁴ https://legal.un.org/ilc/publications/yearbooks/russian/ilc_2001_v1.pdff

Ключевые слова: нюрнбергские принципы, слабая транзитивность вины в коллективно содеянном преступлении, денацификация Германии как наказание Третьего рейха, мотивы не включения нюрнбергских принципов в ранг *jus cogens*, пробелы международного уголовного права, негосударственные субъекты международно-уголовного деяния, субъект - носитель международно-значимой силы

Субъект геноцидного деяния. В общей постановке рассмотрение темы в теории сталкивается с проблемой разделения вины между участниками коллективно совершенного тяжкого преступления (подсудными субъектами могут быть физические лица, спонтанно возникшие или организованные толпы, банды, организации, наконец, государство). Сложность вопроса в правовой феноменологии проявляется в определении меры ответственности с одной стороны государства и подчиненных ему учреждений и, с другой стороны, физических лиц - идеологов, организаторов, исполнителей и соучастников - в совместно содеянном акте. Интервал расходящихся мнений о разделении вины между ними широк, в начале и в конце которого стоят имена двух римлян - древнеримского историка первого века Корнелия Тацита, уверенного, что «там, где виновных много, не должно наказывать никого», и итальянского юриста XIX века Пеллегрини Росси, считавшего такое рассуждение глупым, так как виновные остаются безнаказанными. Сложность задачи очевидна уже во внутригосударственном судопроизводстве, к компетенции которого также могут оказаться разбирательства преступлений, представляющих опасность для мира и всеобщей безопасности. С серьезными коллизиями национальное правосудие не столкнется, если само государство, в ведении которого оказалось разбирательство дела, не сопричастно к преступлению. Но если оно само является субъектом уголовной ответственности по делу, то императив глобальной безопасности указывает на неизбежность учреждения наделенного соответствующими полномочиями наднационального института правосудия.

Сама идея такого института исторически возникла сравнительно недавно, когда стала очевидной опасность характерного для классической системы международных отношений принципа *jus ad bellum*. Первым в 1872 г., после окончания франко-прусской войны 1870-1871 гг., ее озвучил Президент Международного комитета красного креста (МККК) Гюстав Муанье, предложивший специальной Конвенцией учредить Международный судебный орган для наказания виновных, нарушивших Женевскую конвенцию от 1864 г. об улучшении положения больных и раненых в воюющих армиях. Затем эта идея была изложена русским юристом-международником графом Л. А. Комаровским, высказавшим убеждение, что основание такого суда лишь вопрос времени и что не только теоретические, а «гораздо более практические потребности вынудят государства

вступить на путь ее осуществления»⁵. Следующим шагом развития идеи наднационального института правосудия стала принятая в 1907 г. Гагская конвенция о законах и обычаях сухопутной войны, которой предусматривалось ответственность подписавших конвенцию государств за выплату убытков в случае нарушения ими установленных Конвенцией условий сухопутной войны.

Доктринальный прорыв Веспасиана Пелла. В начале XX века идея правовой ответственности государств, как говорится, витала в воздухе. Общеизвестно, что прорыв в этой теме в 1925 г. совершил румынский юрист-международник Веспасиан Пелла. В работе «Коллективная ответственность государств и уголовное право будущего» он отстаивал идею правомерности и необходимости привлечения к уголовной ответственности государств. Теоретик международного права именно в реализации этой идеи усмотрел решающее условие сохранения международного мира и стабильности. Пелла считал, что государство как субъект права наделено объективным, не зависящим от воли людей существованием, с субстанциональным статусом не присущим обычным организациям (юридическим лицам), учреждение и роспуск которых совершаются субъективной волей людей. «Тот факт, - пишет Пелла, - что не одни лишь руководители, но и государство в целом может стать объектом применения уголовных мер, может способствовать развитию сопротивления преступникам, которые находятся во главе государства»⁶. Но этому, осуществленному со стороны Пелла, прорыву суждено было остаться лишь прорывом в теории. Дала о себе знать тлеющие в онтологических глубинах феномена международного преступления противоречия права и политики, силы и справедливости, истины и целесообразности.

Государство как субъект международного преступления на Нюрнбергском процессе. Ужасы, пережитые человечеством в годы Второй мировой войны, казалось, должны были привести к осознанию необходимости неотложного внедрения в систему международно-уголовной юрисдикции доктринальных идей В. Пелла. Державы-победительницы не поставили под сомнение, что именно нацистская Германия⁷ является главным виновником совершенных против человечества преступлений. Но на Нюрнбергском процессе (1945—1946), который был исторически самым подходящим моментом для развертывания этой принципиальной для международного правосудия темы, они по части теории фактически обошли ее, несмотря на то, что в разделах приговора, относящихся к его обоснованию, преобладают обвинения, адресованные Третьему рейху. На это и ссылались адвокаты подсудимых выдвигая аргумента о том, что субъек-

⁵ Камаровский М.А. О международном суде. Л. – М.1881.

⁶ См.: Pella V. Le Code des Crimes Contre la paix et la securite de l'humanite. Geneve: Revue de Droit international, de Sciences diplomatiques et politiques, 1957. P. 83.

⁷ По ходу процесса мысль об уголовной ответственности государств прозвучала не раз.

том международного права может быть исключительно государство, а не физическое лицо, которое, как они представили, не может быть таковыми в принципе. Ответчиком за совершенные против человечности в годы войны преступления, как аргументировали защитники, может быть только Третий рейх. Трибунал приводит их аргумент в следующем изложении: «Утверждалось, что международное право рассматривает лишь действия суверенных государств, не устанавливая наказания для отдельных лиц, и далее утверждалось, что там, где рассматриваемое действие явилось действием, совершенным государством, то лица, которые практически осуществили это, не несут личной ответственности, а стоят под защитой доктрины о суверенности государства»⁸. На это Трибунал реагировал недвусмысленно: «По мнению Трибунала, оба эти утверждения должны быть отвергнуты»⁹. Трибунал ссылаясь «на давно признанный факт», что «международное право налагает долг и обязанности на отдельных лиц так же, как на государства»¹⁰. В качестве обоснования этого тезиса обвинителями упоминается статья 227 Версальского договора, предусматривавшей «создание специального трибунала, состоявшего из представителей пяти союзных и присоединившихся к ним держав, находящихся в состоянии войны с Германией во время первой мировой войны, для судебного преследования бывшего императора Германии «за грубейшие нарушения в области международной морали и несоблюдение святости договоров»¹¹. Упоминается также заявление главного судьи Стоуна по делу «Экс Парте Квирин» (1942, 317-США): «С самого начала своего существования данный суд применял законы ведения войны, как включающие в себя ту часть международного права, которая предписывает статус, права и обязанности вражеских государств, а также их отдельных представителей во время войны»¹². Обобщение рассмотренного ключевого для данного разбирательства вопроса теории права дается аргументом теоретического порядка о том, что «преступления против международного права совершаются людьми, а не абстрактными категориями, и только путем наказания отдельных лиц, совершающих такие преступления, могут быть соблюдены установления международного права»¹³.

Пафос аргументаций обвинителей до приведенного выше уточнения о подлежащем наказанию субъекте по сути сводился к обоснованию следующих двух тезисов: а) ответственность государства как возможного

⁸ Нюрнбергский процесс Сборник материалов в 8 томах. Том 8 с. 608-609. <http://militera.lib.ru/docs/da/np8/index.html>

⁹ Трибунал в части обоснований ссылается также на принятый в Лондоне свой Устав, где говорится, «что отдельные лица имеют международные обязательства, которые превышают национальный долг повиновения, наложенный отдельным государством». См. там же, с. 609.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, с. 608

¹² Там же, с. 609

¹³ Там же. <http://militera.lib.ru/docs/da/np8/index.html>

субъекта преступления против человечества общепризнана; б) в юридическом обосновании нуждается рассмотрение деяний отдельных лиц как потенциальных субъектов международного преступления. Именно в контексте обоснования второго тезиса, «чтобы показать, что за нарушение международного права могут быть наказаны и отдельные лица», Трибунал обратился к соответствующим прецедентам, считая первый тезис само собой разумеющимся. Но обобщение Трибунала, гласящее, что «**только** (подчеркнуто нами – А.М.) путем наказания отдельных лиц, совершающих такие преступления, могут быть соблюдены установления международного права», наводит на мысль обесценивания роли государства в преступных деяниях. Но приговор Трибунала говорит об обратном. Дело в том, что формула «только путем наказания отдельных лиц» в приговоре вовсе не освобождала от наказания субъектов, названных в приговоре «абстрактными категориями».

Наказание Третьего рейха как государства. Союзные державы были единогласны в денацификации Германии, полагающей ликвидацию всех нацистских организаций. Правда, Трибунал не ограничился этим и предъявил обвинения к госслужащим и членам организаций, признанных Трибуналом преступными. В последнем случае Трибунал ссылаясь на пункт (d) Статьи 10 своего Устава, где в перечне действий, рассматриваемых как преступление, указывается членство «в определенных категориях преступных групп или организаций, преступный характер которых будет признан Международным Военным Трибуналом»¹⁴.

В пункте (d) статьи 10 Устава МВТ фактически дается определенное решение разделения вины участников коллективного преступления по принципу нисхождения от организации к его структурным составляющим, в данном случае от государства к учреждениям и далее от них к физическим лицам. Но принцип нисхождения не истолковывался как отношение строгой транзитивности или равного распределение общей вины между лицами, состоявшими в членстве признанной Трибуналом преступной организации. Более того, принцип нисхождения «по распределению вины» не означал тотальное привлечение физических лиц к ответственности. Непричастность члена обвиняемой организации к актам преступного характера, в формировании и пропаганды идеологии организации не могла быть не учтена, чем и объясняется отсутствие универсальной формулы распределения вины от организации к ее членам¹⁵. Трибунал придержива-

¹⁴ Приговор Международного военного трибунала// Нюрнбергский процесс Сборник материалов в 8 томах. Том 8 с. 638. <http://militera.lib.ru/docs/da/np8/index.html>

¹⁵ Именно с учетом этого обстоятельства 5 марта 1946 года на территории американской зоны был издан закон под номером 104. Согласно закону лица, выше 18 лет, должны были заполнить и представить судебным органам содержащую 131 вопроса анкету, на основе которого их причисляли к одной из пяти категорий причастности к нацизму. Закон предусмотрел наказания различной строгости – от тюремного заключения до запрета занимать предусмотренным законом должности. Анкета выделила следующие категории лиц: 1) главные виновные; 2) виновные (активисты, милитаристы, извлекатели выгоды); 3)

вался позиции индивидуализации степени виновности вплоть до признания невиновности отдельных ее членов. Не строго транзитивной понималась и трансляция вины и ответственности за преступное деяние по линии восхождения от физических лиц и промежуточных ступеней к высшим ее органам. Содеянное членом преступление не по заданию организации или не вытекающего из ее целей понималось как деяние совершенное вне ответственности организации.

Нетранзитивность вины в отношениях организации и ее членов как по нисходящим, так и восходящим линиям указывает на онтологическое различие субъектностей организации и ее членов-индивидов, что не могло не найти определенное проявление. Декларируя, что «только путем наказания отдельных лиц¹⁶, совершающих такие преступления, могут быть соблюдены установления международного права», в вынесенном МВТ приговоре тем не менее отведен особый раздел «Обвиняемые организации», где приводится список подлежащих наказанию организаций: «...гестапо, СД, СС, СА, имперский кабинет, генеральный штаб и верховное командование германских вооруженных сил»¹⁷. Но Трибунал не ограничился наказанием отдельных организаций. Страны-победительницы, как подмечено выше, были единогласны в том, что приговор не должен обойти Третий рейх и обговорили ход денацификации Германии. Итак, не только отдельные организации госструктуры Германии, но сам Третий Рейх не избежал наказания. Германия была временно лишена государственного суверенитета и разделена на четыре оккупационные зоны. Лишение суверенитета Германии и ее раздел на оккупационные зоны, приведшие в итоге к образованию двух немецких государств, без сомнения были актами наказания нацистской Германии как реального (не абстрактного!) субъекта. Само присутствие оккупационных войск в статусе победителей (но не освободителей!) определило значение этого присутствия именно как акта наказания немецкого государства. Столь же очевидно, что в своей совокупности перечисленные акты в отношении потерпевшего поражение Третьего рейха и были наказанием Германии как национального государства, определившем дальнейшую историю немецкой нации как в период существования двух немецких государств с разными социально-политическими системами, так и после их объединения.

Трудный путь к проекту Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества. Хотя и по факту Третий рейх был наказан,

незначительно виновные; 4) попутчики и 5) невиновные. Аналогичный процесс был запущен в советской зоне оккупации с акцентуацией классового переустройства общества. Очищение Германии от нацизма считалось законченной в 1948 году.

¹⁶ Эта установка наиболее недвусмысленно проявилась в директиве Союзнического контрольного совета № 38 от 12 октября 1946 года «Арест и наказание военных преступников, нацистов и милитаристов; интернирование, контроль и надзор за потенциально опасными немцами». <https://memorial.krsk.ru/DOKUMENT/USSR/19461012.htm/>

¹⁷ Там же, с. 639.а

сам концепт наказания института государства остался юридически неразработанным. Но дух Нюрнберга, охвативший поствоенный политический мир, настоятельно указывал на этот изъян международной правовой системы. Не случайно, что 23 октября 1946 года, спустя всего три недели после закрытия Нюрнбергского процесса, ГА ООН обратилась к вопросу о скорейшем включении применявшихся принципов Устава Нюрнбергского трибунала в свод международного права. Речь шла о возведении «нюрнбергских принципов» в ранг общих принципов обычного права. Особенно пафосным было письмо президента США Гарри Трумена Френсису Биддлу – судьи от США на Нюрнбергском процессе - по поводу его доклада в ГА ООН. В нем Трумен четко указал на конечную цель включения в повестку ГА ООН вопроса, заключающаяся, по его мнению, в том, что «Организация Объединенных Наций подтвердит принципы Устава Нюрнбергского трибунала в контексте общей кодификации преступлений против мира и безопасности человечества». Именно в такой «нюрнбергской атмосфере» по инициативе США ГА ООН 11 декабря 1946 года приняла резолюцию 95(I) под заглавием «Подтверждение принципов международного права, признанных Уставом Нюрнбергского трибунала»¹⁸. После Нюрнбергского процесса казалось, что ООН энергично взялась за осуществление поставленной задачи. Резолюцией от 11 декабря 1946 года был учрежден Шестой комитет ООН, в функции которого была включена теоретическая разработка тем, касающихся прогрессивного развития международного права. Далее, 21 ноября 1947 года для реализации этой функции Комитета ГА ООН резолюцией 177 (II) учредила КМП, поручив ей выработку проекта Декларации прав и обязанностей государств (Кодекса о преступлениях против мира и безопасности человечества). 6 декабря 1949 года ГА ООН «ввиду возникновения новых явлений в области международного права» на основе полученной от КМП проекта Декларации прав и обязанностей государств постановила «передать государствам-членам Организации на рассмотрение проект Декларации и всю относящуюся к нему документацию... и просить их сообщить свои отзывы и соображения не позднее 1 июля 1950 года»¹⁹. КМП выполнила это поручение, однако проект не был утвержден ГА. Своей резолюцией 488(V) от 12 декабря 1950 года она вновь пригласила правительств государств-членов представить свои замечания по проекту Кодекса в КМП, а последней учесть их при разработке его окончательного текста. В 1954 году Комиссия представила ГА ООН обновленный текст Кодекса, но и эта его версия не была принята, так как резолюцией 897 (IX) от 4 декабря 1954 года²⁰ было установлено, что в нем не преодолены проблемы, связанные с явлением агрес-

¹⁸ https://legal.un.org/avl/pdf/ha/ga_95-I/ga_95-I_ph_r.pdf

¹⁹ [https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/RES/375\(IV\)](https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/RES/375(IV)) КМП

²⁰ [https://undocs.org/en/A/RES/897\(IX\)](https://undocs.org/en/A/RES/897(IX))

сии²¹, понятие о которой предстояло еще уточнить созданной с этой целью резолюцией 2330 (XXII) ГА от 18 декабря 1967 года Специальным комитетом. Лишь в 1978 году, после того, как 14 декабря 1974 года было дано определение агрессии (резолюция 3314 (XXIX)), ГА возвратилась к вопросу о проекте Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, а резолюцией 36/106 от 10 декабря 1981 года предложила КМП вернуться к работе над его проектом. ГА обязала Шестой комитет на основе и по ходу поступления в Комитет предложений на эту тему продолжать рассмотрение уже имеющегося проекта Кодекса с целью выработки кодифицированного текста. КМП, в рамках которой велись обсуждения теоретических проблем по прогрессивному развитию международного права, периодически отчитывалась ГА ООН о своей работе, которая в 1996 году наконец приняла проект Кодекса²². Приведенная выше хронология выработки проекта Кодекса показывает настолько труден был путь его составления. Мотивы аргументации членов КМП наверняка были не только чисто теоретическими. Сопутствующие обсуждениям мотивы политического характера могли явно не формулироваться. Их обычно аккуратно скрывают в подтекстах околонучных аргументов так, что порою остаются неуловимыми. **Ответственность государства за международное преступление как ключевой вопрос международного уголовного права.** Почему после Нюрнберга прочно осела идея сведения наказания государства к наказанию физических лиц? Г. Доннедье де Вабра²³ придерживался мнения, что причиной тому было лишение Германии суверенитета. Ликвидация всей ее госструктуры означало упразднение ее субъектности. Тема была снята с политико-правовой повестки после завершения денацификации и образования двух немецких государств, не являющихся преемниками Третьего Рейха. Свообразным отступлением от закрытия темы наказания Третьего рейха было взятие ФРГ (а с 1990 года и объединенной Германией) на себя обязательства выплатить репарации за материальный ущерб, нанесенный нацистской Германией государствам-победительницам и физическим лицам²⁴. Правда, за этим нельзя не заметить ее политиче-

²¹ В резолюции 897 (IX) говорится: «...принимая во внимание, что в своей резолюции 895 (IX) от 4 декабря 1954 г. Генеральная Ассамблея постановила поручить специальному комитету из девятнадцати государств-членов Организации составить и представить Генеральной Ассамблее на ее одиннадцатой сессии подробный доклад по вопросу об определении понятия «агрессия» и проект определения понятия «агрессия», постановляет отложить дальнейшее рассмотрение указанного проекта кодекса преступлений против мира и безопасности человечества до тех пор, пока упомянутый специальный комитет по вопросу об определении понятия «агрессия», не представит своего доклада». [https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/RES/896\(IX\)](https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/RES/896(IX))

²² Ежегодник Комиссии международного права, 1996, т. II, ч. 2. https://legal.un.org/ilc/publications/yearbooks/russian/ilc_1996_v2_p2.pdf

²³ Г. Доннедье де Вабра (1880-1952) - известный правовед, главный судья на Нюрнбергском процессе от Франции, консультант составления конвенции ООН «О предупреждении геноцида».

²⁴ В акте репараций особо выделялась компенсация жертвам холокоста согласно подписанному в 1952 году Соглашению о репарациях между ФРГ и Израилем.

ский подтекст – представить всю германскую нацию²⁵.

Как бы там ни было, эти процессы согласно Доннедье де Вабра за-слонили жизненно важную для глобальной безопасности задачу юридиче-ского оформления уголовной ответственности за преступление против человечества совершаемое государством как основным субъектом между-народных отношений. Но есть другое объяснение тому, почему вопрос об уголовной ответственности государств был отеснен в повестке КМП. Уже в 1951 году Комитет по международной уголовной юстиции²⁶ в своем докладе сформулировал вывод о том, что Международный уголовный суд не компетентен в разбирательстве вопросов ответственности государств за совершенные ими международные преступления ввиду их политического характера. Вот выдержка из доклада: «...Комитет рассмотрел прежде все-го вопрос - могут ли быть подсудны суду государства. Совершенно неза-висимо от того, допускают ли норму материального международного уго-ловного права в настоящее время уголовную ответственность государств как таковых, было указано, что ответственность государств за действия, составляющие международные преступления, имеет преимущественно политический характер, и что поэтому не дело суда решать подобные во-просы... важно подтвердить и утвердить тот вновь установленный прин-цип, что физические лица могут признаваться ответчиками за уголовно наказуемые деяния»²⁷. За такой концепт уголовной ответственности госу-дарств проголосовало большинство членов Комитета. Но столь категорич-ный вердикт Комитета по международной юстиции оказался неубедитель-ным для КМП. Она не могла игнорировать очевидный факт, что любое деяние государства на глобальной арене, тем более уголовного характера, не может быть чисто политическим и не содержать правовое составляю-щее. Не случайно КМП, вернувшаяся в 1983 году к работе над проектом Кодекса, обратилась к Генеральной Ассамблеи с просьбой уточнить во-прос о включении государств в категорию субъектов подсудных за пре-ступления против человечества, имея в виду политический характер во-проса²⁸, а в 1984 году сама приняла решение ограничить разработку про-екта Кодекса темой уголовной ответственности физических лиц. Это было откладывание вопроса, а не удаление темы из повестки КМП. Мотивы

²⁵ ФРГ, образованная на основе объединения оккупационных зон США, Великобрита-нии и Франции, на основе выдвинутой ею так называемой доктрины статс-секретаря МИД Вальтера Хальштейна в 1955-1970 годах претендовала на «единоличное представи-тельство всех немцев на международной арене». Доктрина на практике не оправдала себя фактом признанности ГДР многими странами и ее приемом в ООН в 1970 году. Канцлеру Бранту в 1970 году пришлось отступить от той доктрины и признать также границу по Одере-Нейсе.

²⁶ В отличие от Комиссии, куда входят международно-признанные специалисты по уголовному праву, в состав Шестого комитета входят представители государств. Надо полагать, что именно через последних политические мотивы проникали в ход разработки документов.

²⁷ Док. ООН А 2136, пункт 87, с. 11.

²⁸ Ежегодник Комиссии международного права. 1983. Том II (часть вторая), с. 17.

такой неспешности в разработке темы заключались не в сложности проблемы. Подспудно действовали политические обстоятельства, на которые указывают специалисты²⁹. И вполне понятно, что в принятом в 1996 году «Проекте Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества» Комиссия в статье 4 фиксировала, что предусмотренная в Кодексе «ответственность отдельных лиц за преступления против мира и безопасности человечества... никоим образом не влияет на ответственность государств по международному праву». Она вновь приступила к выработке Кодекса в 1998 году, после того как Специального докладчика Аранжо Руиза (Италия) сменил Джеймс Кроуфорд (Австралия).

В 2001 году КМП завершила второе чтение проекта статьей разрабатываемой темы и представила ГА ООН доклад о проделанной работе под названием «Об ответственности государств за международно-противоправные деяния». Концептуальные различия статьей новой редакции Кодекса от прежних и доктринальных работ по теме (особенно от идей В. Пелла) свидетельствуют о сдвиге, который перетерпел само политическое, а за ним и методологическое видение темы. Специальный докладчик этому факту дает следующее объяснение: «В проекте 1996 года рассматривались два следующих релевантных аспекта... об ответственности государств: с одной стороны, некоторые обязательства квалифицируются в качестве обязательств по отношению к международному сообществу, а не только по отношению к отдельным государствам; с другой стороны, некоторые особо серьезные нарушения таких обязательств должны влечь за собой особо жесткие санкции. Несмотря на общую готовность со стороны **большинства государств** (выделено нами – А.М.) согласиться с этими общими принципами, идея привлечения государства к ответственности за «преступление» вызывала и по-прежнему вызывает глубокие разногласия. Помимо **возражений со стороны значительного числа государств** (выделено нами – А.М.), положение о международных преступлениях порождает проблемы, вытекающие из совместимости концепции преступления с правовой базой межгосударственных отношений, а также необходимости обеспечения... должной правовой процедуры, которые являются коррелятами уголовной ответственности, но отсутствовали в проекте 1996 года»³⁰. Вряд ли обеспечение совместимости «концепции преступления с правовой базой межгосударственных отношений» была непреодолимой для КМП задачей. До этого во многих более серьезных случаях КМП смогла консенсусом добиться приемлемых для всех своих

²⁹ Игорь Фисенко в статье «Ответственность государств за международные преступления» наиболее откровенно высказался по этому поводу: «Компетенция международных судебных органов основана на согласии спорящих сторон, и государства всегда негативно относятся к возможности вынесения подобного вопроса на суд третьей стороны, ими не контролируемой». https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/30449/1/1998_3_JILIR_fisenko_r.pdf

³⁰ Джеймс Кроуфорд. Статьи об ответственности государств за международно-противоправные деяния. С. 7. https://legal.un.org/avl/pdf/ha/rsiwa/rsiwa_r.pdf

членов формулировок, как это, например, удалось сделать при определении понятия «агрессия». Непреодолимой преградой наверняка стали возражения «со стороны значительного числа государств», которые осмотрительно возразили применению понятия «преступление» как возможной квалификации поведения государств, чтобы не предстать перед международным судом в статусе субъекта, совершившего уголовно наказуемое международное преступление. Комиссия все-таки предпочла избегать «использования проблематичного термина «преступление»»³¹, так как возражения поступили со стороны **значительного числа государств**, превысивших мнение **большинства государств**. Остается только догадаться, что в число «значительных государств» вошли политически значительные государства. Итак, решающим пунктом в концептуальной трансформации видения проблемы стал отказ Комиссии от идеи квалификации международно-уголовного деяния государства как преступления. Тем не менее чтобы не допустить явного разрыва с предыдущими своими констатациями, Комиссия отводила третью главу второй части документа «серьезным нарушениям обязательств», где под серьезным нарушением понимается такое нарушение государством международного обязательства, которое «вытекает из императивной нормы общего международного права»³². Тем самым ответственность государств за международно-противоправные деяния была отнесена к разряду «вторичных норм» международного права.

Сам Специальный докладчик Антонио Руиз был против такой трансформации темы. В представленном им докладе «первенство» среди субъектов преступных деяний в духе В. Пелла отдано государству. Особенно категоричными были его положения, сформулированные в Статье 16 своего доклада относительно преступления агрессии: «Норма международного права, запрещающая агрессию, применяется к поведению государства по отношению к другому государству. Следовательно, лишь государство может совершить преступление агрессии в нарушение нормы международного права, запрещающей такое поведение... Таким образом, нарушение государством нормы международного права, запрещающей агрессию, дает основание для возникновения уголовной ответственности лиц, игравших решающую роль в планировании, подготовке, начале или проведении агрессии. Слова «агрессия, совершаемая государством» четко указывают на то, что такое нарушение, совершаемое государством, является необходимым условием возникновения уголовной ответственности лица за преступление агрессии»³³. Антонио Руиз расходился с Комиссией и в другом важном вопросе. Он представил предложения относительно механизма

³¹ Там же. С. 8.

³² Ежегодник Комиссии международного права 2001, Том II, Часть вторая. Статьи 40 и 41 https://legal.un.org/ilc/publications/yearbooks/russian/ilc_2001_v1.pdf

³³ Там же, Статья 16.

реализации ответственности государства за международные преступления как конкретизацию Статьи 19 проекта Кодекса, определяющей понятие международного преступления³⁴. И хотя было очевидно, что без разработки подобного механизма Кодекс теряет свою практическую ценность, Комиссия решила не отражать в документе предложения Специального докладчика. Это, пожалуй, была точкой перелома в переориентации, совершенной КМП в видении темы и методологии ее разработки. Из концептуальной системы темы было вытеснено понятие «преступление» как возможная квалификация поведения государства. И даже после такой радикальной редакции Кодекса некоторые государства высказались против его конвенциации, а другие, как подмечает Джеймс Кроуфорд, вообще выступили за оставление Кодекса в статусе «текста КМП, одобренного *ad referendum* Генеральной Ассамблеей»³⁵. Фактически они всячески продвигали идею деюридизации ответственности государств за тяжкие международные преступления.

Важность кодифицированного определения ответственности государства за международное преступление, предопределена местом государства в международных отношениях, его статусом как осевого субъекта этих отношений. Преступность физического лица как участника актов против человечества производна от цивилизационной ориентации государства, чем и определяется его поведение как субъекта преступных деяний в отношении других государств и народов. Отдельный индивид просто физически не может совершать подобные преступления. Вот почему логика восстает против установки, по которому кара международного правосудия должна достигать лишь индивиды, минуя главного автора международного преступного деяния - государства. До 2001 года тексты проекта Кодекса ползучей переориентацией трансформировались в сторону изъятия из них предъявляемых к государству обвинений. Теоретической основой служила выдержка из Нюрнбергского приговора о том, что «преступления против международного права совершаются людьми, а не абстрактными категориями». Сперва подход получил практическое применение на Токийском международном военном трибунале, а затем и на учрежденных *ad hoc* трибуналах - Международном трибунале по бывшей Югославии, Международным трибуналом по Руанде и Международном трибунале по Ливану. Однако при более внимательном рассмотрении обнаруживается, что ссыл-

³⁴ Речь идет о статьях 51-53 Доклада Специального докладчика. См. Ежегодник Комиссии международного права 1996. Доклад Комиссии Генеральной Ассамблеи о работе ее сорок восьмой сессии. С. 90-92. https://legal.un.org/ilc/publications/yearbooks/russian/ilc_1996_v2_p2.pdf

³⁵ Мы не располагаем информацией о том, какие государства усердствовали в КМП и Генеральной Ассамблеи за вытеснение характеристики «преступление» из списка возможных характеристик поведения государств. Но логика подсказывает, что ими должны быть государства не исключающие применения силы и крайне жестоких методов для осуществления каких-то своих притязаний. Ими могут быть также государства, коим конфликты нужны как инструменты управления международными процессами.

ка на этот тезис в отрыве от вынесенных по факту вердиктов в отношении Третьего рейха и целого ряда подконтрольных ему организаций есть уход от философии Нюрнбергского трибунала. Его приговор был нацелен не только на ликвидацию отнесенных им к разряду преступных нацистских организаций, но и породившего их государства. Пафос тезиса из приговора, мелькающих практически во всех посвященных теме документах и статьях, заключался не в освобождении государства от ответственности за содеянные преступления, а парирование в контексте судебного процесса аргумента адвокатов о защищенности подсудимых доктриной суверенитета государства. Обход этого факта открывает двери перед всякого рода манипуляциями. И главное в них оказывается игнорирование вынесенных и приведенных в исполнение приговоров о Третьем рейхе и нацистских организаций. Так была снята с повестки задача возведение Нюрнбергских принципов в ранг *jus cogens*.

«Мягкий уход» от стартовых идей, как пишет Специальный докладчик Джеймс Кроуфорд в уже упомянутой нами статье, сложилась к шестидесятым годам, когда «получила поддержку идея, согласно которой КМП следует переориентировать свое внимание на «определение общих норм, регулирующих международную ответственность государства». В конечном итоге это привело к тому, что в Докладе КМП (A/56/589 и Corr.1) с государства была снята сама возможность представления к нему обвинения в совершении международного преступления и вынесения адекватного приговора. До принятия Кодекса в 1996 году, всем составам КМП была очевидна правомерность присвоения государству такого поведения. Вопрос присвоения государству преступного поведения Кодекс оставил открытым. И это понятно. Для любого не ангажированного юриста-члена КМП было очевидно, что государство является «основным субъектом международных преступлений»³⁶.

К уязвимости методологии изучения ответственности государств за международные преступления в КМП. Неприменение к поведению государства «проблематичного термина «преступление»» лишь одно изъятие принятого в 2001 Кодекса. Ясно, например, что любой международный документ об ответственности государства за противоправные деяния будет неэффективным без учета фактора силы и его конвенционально-правового осмысления (желательно с точностью кодификации)³⁷. Иначе придется иметь дело лишь с последствиями «работы» этого, как иногда называют, крота истории. Как Кодекс, так и Резолюция ГА ООН

³⁶ Формулировка И. Фисенко из его статьи «Ответственность государств за международно-противоправные деяния». Белорусский журнал международного права и международных отношений 1998, № 3. С. 20. https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/30449/1/1998_3_JLIR_fisenko_r.pdf

³⁷ Как Кодекс, так и Резолюция ГА ООН 56/83 обходят молчанием этот фактор, хотя не вызывает сомнения, что участвующие в разработке этих документов высококлассные юристы знали об этом.

56/83 обходят феномена силы - фактора, конструирующего глобальный миропорядок. В классическом международном праве место силы определялось принципом *jus ad bellum* - в праве суверенного государства на войну безо всякого на то объяснение. Кантовский проект о вечном мире с идеями республиканизма, упразднения армий и создания федерации государств с единой правовой системой был задуман для ограничения места неконтролируемой силы в международных отношениях. Но он остался всего лишь проектом. Пакт Бриана-Келлога о запрете агрессивной войны, принятый в 1928 году, также оказался не работоспособным. Учреждение ООН после Второй мировой войны, включившей в свой устав запрет на применение силы и угрозы силой, преследовало ту же цель³⁸. Но применение силы и войны не прекращаются.

Все это наводит на необходимость приписывания особого места в международных отношениях субъектам, наделенным особо большой силой, позволяющей им воздействовать на мировые процессы, определить их ход, быть субъектом в разразившихся конфликтах. Между тем в выработанных КМП докладах лишь государство рассматривается как субъект международных отношений и возможный носитель силы. В этом КМП следует логике, заложенной в основаниях ООН как государство-центричной организации. Такой подход возможно был оправдан для эпохи модерна. Но его ущербность ныне очевидна. Введение понятия силы в концептуальную систему международно-уголовной тематики позволит раскрыть факт существования целого клуба ответственных за международно-уголовные деяния субъектов. Государство оказывается одним из них в списке, в котором кроме него могут оказаться негосударственные формирования - международные организации, движения, кланы и транснациональные финансово-экономические гиганты и т.д. Этот список открыт для любых образований, наделенных соизмеримой с «субстанцией международных отношений» силой, достаточной, чтобы вызывать возмущения в них и тем самым являться фактическим субъектом международных отношений независимо от признанности их как таковых.

Государство-центричность сложившихся в «классические времена» представлений о мироустройстве и соответствующие им традиционные международно-политические структуры (в первую очередь ООН) скрывают значимость негосударственных субъектов в мировых процессах, заслоняя актуальность правового осмысления их международно-уголовных деяний.

Существование негосударственных образований, наделенных достаточным материальным и иным потенциалом для того, чтобы быть сторо-

³⁸ Примечательно, что ООН, взявшая на себя миссию запрета применения силы или угрозы силой, сама была структурирована «на основе силы»: именно самые сильные государства являются постоянными членами Совета Безопасности, где они наделены правом на вето.

ной международных конфликтов и субъектом международных противоправных деяний (в том числе и преступных), очевидный факт, и вовлечение в тематику международного уголовного права понятия «носитель международно-значимой силы» как характеристики потенциальных субъектов международных правонарушений, вопрос времени. Перефразируя высказывание юриста-международника графа Л. А. Комаровского, убежденного в свое время в неизбежности учреждения Международного суда (см. ссылку 6 нашей статьи), можно сказать, что и в данном случае не только теоретические, а гораздо более практические потребности вынудят международное сообщество вступить на путь ее осуществления. Только так стоящая перед ООН идея возведения Нюрнбергских принципов в ранг *jus cogens* будет реализована с учетом того очевидного факта, что «материальная сила должна быть опрокинута материальной же силой»³⁹, а не декларациями и строгими осуждениями «с целью побудить... государство выполнить его обязательства»⁴⁰.

Очевиден и другой методологический пробел в докладах Шестого комитета ООН по рассматриваемой теме. Мы имеем в виду отсутствие в них темы ответственности народа (нации) как неабстрактного субъекта, имеющего возможное отношение к международно-уголовным деяниям. Для здравого смысла нет объяснения тому, почему народ, являющийся источником государственности, наделенный правом самоопределения, избирающий высшие законодательные и судебные власти, самостоятельно решающий вопрос о форме своего государственного существования не должен нести ответственность за международно-уголовные преступления, совершенные учрежденным им государством и избранными им властями. Оказывается, народ (нация) облечен практически неограниченными внутригосударственными правами, но освобожден от всякой ответственности как перед мировым сообществом в целом, так и перед другим народом, в отношении которого учрежденный им государством совершено преступное деяние.

Обстоятельный анализ правовых пробелов в представленных Шестым комитетом ГА ООН документов не входит в задачу данной статьи. Это тема особая. Мы задались целью показать те очевидные изъяны этих документов, которые создают ту атмосферу глобальной правовой среды, в которой государства, настроенные на преступления против человечества чувствуют себя уютно, как, например, Азербайджанская Республика.

³⁹ К. Маркс, Ф.Энгельс. К Критике гегелевской философии права. Сочинения. Издание второе т. I, М. 1953. С. 422.

⁴⁰ Резолюция ГА ООН 56/83. Ответственность государств за международно-противоправные деяния. Часть III, Глава II, Статья 49.

ԱԼԷՔՍԱՆԴՐ ՄԱՆԱՍՅԱՆ – Պետությունը միջազգային-քրեական արարքների իրողություններում – Հոդվածում ա) դիտարկվում և գնահատվում է ՄԱԿ-ի Վեցերորդ կոմիտեի կողմից նյուրնբերգյան սկզբունքները միջազգային իրավունքի իմպերատիվ սկզբունքների համակարգում ներառելու նախնական կողմնորոշումից հետոնալու իրողությունը, բ) հիմնավորվում է պետության վարքը միջազգայնորեն հանցավոր որակելու հնարավորության բացառման թերաբժեքությունը, գ) ցույց են տրվում Միջազգային իրավունքի հանձնաժողովի կողմից պետության միջազգայնորեն հանցավոր բնույթի արարքների մասին թեմայի ուսումնասիրության խոցելի կողմերը, և առաջարկվում են դրանց հաղթահարման հնարավոր ուղիները:

Բանալի բառեր – նյուրնբերգյան սկզբունքներ, կոլեկտիվ հանցագործության մեղքի բաժանման թույլ տրանզիտիվությունը, Գերմանիայի դենացիֆիկացումը՝ որպես Երրորդ ռայխի պատժում, նյուրնբերգյան սկզբունքները միջազգային իրավունքի *jus cogens* համակարգում չներառելու շարժառիթները, պետության կարգավիճակ չունեցող միջազգային-քրեական արարքների սուբյեկտներ, միջազգայնորեն նշանակալից ուժի կրող սուբյեկտ

ALEKSANDR MANASYAN – *State in the Realities of International Criminal Acts.* – The article: a) examines and assesses the departure of the UN Sixth Committee from the initial installation of the introduction of the Nuremberg principles into the system of international law *jus cogens*; b) the inferiority of the exclusion of the very possibility of qualifying the behavior of the state as internationally criminal is substantiated; c) the methodologically vulnerable aspects of the study of the topic of state responsibility for international criminal acts in the International Law Commission are indicated and possible ways of overcoming them are proposed.

Key words: *the Nuremberg principles, weak transitivity of guilt in a collectively committed crime, denazification of Germany as punishment of the Third Reich, motives for not including the Nuremberg principles in the rank of jus cogens, gaps in international criminal law, non-state actors of an international criminal act, a subject – bearer of an internationally significant force*